

сорваться съ казеннаго кошта, я далъ себѣ клятву все терпѣть и сносить, и потому ничего ему не сказалъ...

...Сообразивши всѣ обстоятельства моей жизни, я въ правѣ назвать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ 1). Въ моей груди сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ, высокихъ и благородныхъ, которыя бывають удѣломъ немногихъ *избранныхъ*—и при всемъ томъ, меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать... Всѣ мои желанія, намѣренія и предпріятія самыя благородныя, какъ въ разсужденіи самого себя, такъ и другихъ оканчивались или неудачами, или ко вреду мнѣ же, и, что всего хуже, навлекали на меня нареканіе и подозрѣніе въ дурныхъ умыслахъ. Доказательства передъ глазами. Вы сами знаете, какъ *слабкіе* были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности, скитался, по своей волѣ, по сквернымъ квартиришкамъ, находился въ кругу людей презрѣнныхъ, имѣлъ право лѣниться и проч. Поѣхалъ въ Москву съ пламеннымъ желаніемъ опредѣлиться въ университетъ; мое желаніе сбылось. По вѣтренности, а болѣе по неопытности, истратилъ данную мнѣ сумму денегъ, которая въ моихъ глазахъ казалась огромною, неистощимую. Потомъ поступилъ на *казенный коштъ*... О, да будетъ проклятъ этотъ несчастный день! Любя своего брата 2), видя, что онъ въ дому своихъ родителей живетъ на *казенномъ коштѣ*, сострадая его слишкомъ жалкому состоянію и вмѣстѣ желая облегчить участь А. Ефремовича, я убѣдилъ васъ отправить ихъ обоихъ въ Москву. Цѣль благородная, безкорыстная: ибо я, для того, чтобы способствовать сколько-нибудь, по мѣрѣ моихъ силъ и возможности, ихъ счастью, бралъ на себя большую обузу и большую отвѣтственность. И что же вышло?... Черезъ это я ввелъ васъ въ излишнія издержки и хлопоты, чрезъ это напрасно измучены лошади, оставлена на дорогѣ бричка и, что всего важнѣе, чрезъ это я навлекъ на себя ваше неудовольствіе! Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, я вознамѣрился избавиться отъ него и для этого написалъ книгу, которая могла скоро разойтись и доставить мнѣ не малыя выгоды. Въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ губительное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены, и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и что цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру—и что же вышло?... Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный кабинетъ (комитетъ) и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. *Цертмаевъ* (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ редактору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: „Иванъ Алексѣвичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!“ Не буду много распространяться, скажу только, что, несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочи-

неніе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестнымъ университетъ и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ подаваться особенныя донесенія...

„Какое это?.. Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенъко экипироваться—и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную. Я могъ бы найти кондцію, завести хорошую и полезную для меня знакомства, но въ форменной одеждѣ, кромѣ аудиторіи, нигдѣ нельзя показаться, ибо она въ крайнемъ пренебреженіи; а я не только не имѣю необходимой для всякаго молодого человѣка хорошей фракной или сюртучной пары, но даже и хорошей форменной одежды; теперь третье (исподнее платье) совершенно отказывается служить, а новаго платья, по случаю холеры, и не думаютъ шить...”

„Лестная, сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности, освобожденіи отъ казеннаго копта для того только ласкала и тѣшила меня, до вѣрчиваго къ ея дѣтскому, легкомысленному лепету, чтобы только усугубить мои горести... Теперь, лишившись всѣхъ надеждъ моихъ, я совершенно *опустился*; все равно—вотъ девизъ мой...”

Москва. 17-е февраля 1831 г. 1).

...Изъ письма Катерины Петровны 2), а болѣе чрезъ Лукерью Савельевну, я узналъ, что вы сильно на меня негодуете. Эти непріятныя извѣстія сколько опечалили меня, столько и привели въ большее недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что я ихъ совсѣмъ не ожидалъ. Правда, я давно не писалъ къ вамъ; но позвольте спросить васъ: о чемъ и какъ мнѣ было писать къ вамъ? Увѣряя васъ въ своей почтительности, любви, преданности, осыпая васъ нѣжными названіями я не могу, ибо почитаю это не чѣмъ инымъ, какъ подлымъ ласкательствомъ, какъ низкимъ средствомъ выманивать у васъ деньги. Я не умѣю нѣжничать, но умѣю чувствовать, и думаю, что священное чувство любви и уваженія къ родителямъ состоитъ не въ словахъ, а въ поступкахъ; заключается не въ мертвой бумагѣ, но въ душѣ пламенной, доступной для благородныхъ и возвышенныхъ впечатлѣній. Писать же къ вамъ такимъ образомъ: „при сей вѣрной оказіи я не могъ преминовать, чтобы не засвидѣтельствовать вамъ моего всеижающаго почтенія и увѣдомить васъ, что я, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю, а впрочемъ, уповаю на благость Всевышняго“, я не могу и не смѣю; ибо это значило бы насмѣхаться надъ вами. Не подумайте, что я для того пишу, чтобы заглядить мой проступокъ, вымолить у васъ прощеніе, подластиться къ вамъ и заставить васъ этимъ прислать мнѣ денегъ. Нѣтъ! Я слишкомъ гордъ, слишкомъ благороденъ, чтобы извиваться передъ вами ужомъ и жабою изъ такого низкаго и подлаго побужденія... Цѣль моего письма есть оправдаться передъ вами, не какъ передъ людьми, отъ которыхъ я могу получить нѣсколько денегъ, но какъ передъ людьми, которымъ я обязанъ моимъ существованіемъ. Къ моему величайшему прискорбію, я вижу, что вы почитаете меня мальчишкою, который потому толь-

1) Рус. Стар. 1876 г. I, стр. 78—80. Отрывки этого письма см. Моск. Вѣд. 1859 г. № 293.

2) Константина Григорьевича.

1) Рус. Стар. 1876 г. 2 Стр. 330. (Письмо къ матери).

2) Пріятельница Бѣлинскаго, К. П. Иванова.